

Вячеслав Валентинович Шапошник

УДК 282

д. ист. н., профессор, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, Россия, 199034)
v.shaposhnik@spbu.ru

ПРОТЕСТАНТЫ ПРИ ДВОРЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

В статье рассматриваются два основных вопроса. Во-первых, о русских еретических движениях, которые традиционно в отечественной историографии сближаются с реформационными движениями в Западной Европе; и, во-вторых, о роли при дворе Ивана Грозного некоторых выходцев из Европы, которые по своему вероисповеданию являлись протестантами. Из русских еретиков внимание уделено Матвею Башкину, старцу Артемию, Феодосию Косому. Взгляды этих лиц только с большой натяжкой можно считать близкими к реформаторским, хотя отдельные совпадения их представлений с представлениями западноевропейских протестантов и можно обнаружить. Внимание уделено роли при царском дворе датского герцога Магнуса (номинального короля Ливонии), доктора Бомелия и полемике Грозного с Яном Рокитой. Делается вывод о том, что положение протестантов в России в период правления Ивана Грозного по сравнению с католиками было привилегированным. Так, протестанты могли иметь свои церкви, некоторые из них имели значительное влияние при дворе. В то же время пропаганда протестантских идей среди местного населения не допускалась. Российские же подданные, взгляды которых отличались от православных, считались еретиками и подлежали серьезному наказанию.

Ключевые слова: Иван Грозный, протестанты, Матвей Башкин, старец Артемий, Феодосий Косой, Ян Рокита, герцог Магнус, доктор Бомелий, еретики

VYACHESLAV VALENTINOVICH SHAPOSHNIK

Doctor in History, professor, Institute of History,
Saint-Petersburg State University
(Mendeleevskaya linia, 5, Saint-Petersburg, Russia, 199034)
v.shaposhnik@spbu.ru

PROTESTANTS AT THE COURT OF THE IVAN THE TERRIBLE

The article discusses two main issues. Firstly, it examines the Russian heretical movements which were traditionally seen in the national historiography as similar to the reformist movements in Western Europe. Secondly, the text deals with the role of several immigrants from Europe present at court of Ivan the Terrible who were Protestants. Among Russian heretics attention is paid to Matvei Bashkin, elder Artemius, Feodosius Kosoy. The views of these people could be considered similar to the reformists' only at a stretch, although some correspondence with the ideas of the Western European Protestants might be detected. Besides, in connection with this issue attention is paid to the role of Dr. Bomelius at the Royal court of Danish Duke Magnus (nominal king of Livonia) and Ivan the Terrible's controversy with Jan Rocita. The author concludes that the position of Protestants in Russia under Ivan the Terrible's rule was better in comparison with the Catholics'. Protestants in Russia were allowed to have their own churches and hold services, and some of them had considerable influence at court. At the same time, propaganda of Protestant ideas among local population was prohibited. Russian citizens, whose views were different from the Orthodox, were considered heretics and were subject to serious punishment.

Key words: Ivan the Terrible, Protestants, Matvei Bashkin, the elder Artemius, Feodosius Kosoy, Jan Rokita, Duke Magnus, Dr. Bomelius, heretics

XVI век — время широкого распространения в Европе различных реформационных учений. Не могло остаться в стороне от этого движения и молодое Русское государство. В научной литературе уже давно поднимался вопрос о контактах между русскими и протестантами в период правления Ивана Грозного¹. В данной статье будут рассмотрены некоторые эпизоды, связанные с этими контактами.

Следует отметить, что реформационные идеи нашли некоторое отражение и внутри России. Впрочем, взгляды, отличающиеся от православных, определялись как ересь. На рубеже XV–XVI вв. широкое распространение получила ересь «жидовствующих», некоторые адепты которой оказались в ближайшем окружении Ивана III. Лишь в самом конце его правления, в 1504 г., еретики были осуждены и их лидеры погибли в огне².

Новая ересь открылась в Москве в 1553 г. Как пишет летопись, «прозябе ересь и явился шатание в людех в неудобных словесах о Божестве»³. Первым из еретиков был обнаружен Матвей Семенович Башкин, владевший землями в Переяславском уезде и входивший в состав Государева двора. Он появился на исторической сцене еще в декабре 1547 г., когда выступил одним из поручителей за пытавшегося бежать в Литву князя Ивана Турунтая-Пронского. Обстоятельства открытия его ереси таковы: в Великий пост 1553 г. (между 6 февраля и 2 апреля) Башкин пришел на исповедь к священнику Благовещенского собора Симеону. Затем по просьбе Башкина Симеон приезжал к нему и вел беседы. Эти беседы показались священнику необычными: духовный сын говорил о том, что христианам не подобает у себя холопов держать. Сам Башкин заявил, что все грамоты на «рабов» «изодрал»

¹ Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890; Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. СПб., 2011; Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007.

² «Жидовствующим» посвящена обширная литература. Из последних работ: Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012.

³ Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. С. 232–233 (далее — ПСРЛ).

и его люди живут у него добровольно, кто хочет, а если не нравится, то уходят.

Удивленный такими разговорами, Симеон сообщил о беседе своему коллеге по Благовещенскому собору Сильвестру: «пришел на меня сын духовный необычен... и многие вопросы простирает недоуменные: от меня поучения требует, а иное меня сам учит». Но первоначально священникам не в чем было упрекнуть Башкина, Сильвестр лишь заметил, что о нем ходят разные слухи — «слава про него недобро носится». На этом дело сначала и закончилось. Но в Петров пост (в июне) состоялась очередная беседа Симеона с Башкиным. На этот раз священник засомневался в ортодоксальности своего духовного сына. Сомнения в нем зародило толкование Башкиным Апостола «только не по существу, развратно». После разговора с Сильвестром было решено сообщить о своих сомнениях царю, который как раз в это время приехал в Москву из очередного богомолья.

Сильвестр и Симеон в присутствии Алексея Адашева и протопопа Благовещенского собора Андрея (духовника Грозного) сообщили о Башкине Ивану IV. Было решено попросить новоявленного еретика отметить все свои сомнения в Апостоле. Увидев полностью измененную книгу, царь приказал арестовать Башкина и поместить его в заключение под присмотр монахов Иосифова монастыря Герасима Ленкова и Филофея Полева⁴.

Первоначально арестованный не признавал своих заблуждений — «он же христиана себя исповеда, скры в собе вражью прелесть, сатанино еретичество, мняше бо безумный от Всевидающего Ока укрытися». Однако вскоре расследование принесло результаты. Летопись пишет, что Бог напустил на еретика свой гнев и Башкин «нача бесноватися, зле мучим от него, и язык свой долу извесившу, и на много время так мучим, и кричаша розными гласы, и по мучении злую свою ересь начат исповедать». Возможно, к арестованному применяли пытки, хотя никаких упоминаний об этом в источниках нет. Когда было получено признание, то об этом сообщили митрополиту, который приказал Башкину записывать свои «богохульные ереси».

⁴ Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. М., 1996. С. 268–269, 272–274.

Были обнаружены и сторонники Башкина. Ими оказались Григорий и Иван Тимофеевичи Борисовы, происходившие из Твери. Очевидно, были и другие еретики, но по именам они не названы. Следствие выяснило, что ересь Башкин был заражен от католиков, подданных Литвы Матюшки Аптекаря и Андрея Хотеева. Трудно сказать, так ли было в действительности или руководство Церкви стремилось лишь изобразить дело таким образом, чтобы подчеркнуть происки иноверных.

Вскрывшиеся на следствии взгляды еретиков оказались примерно следующими: они «хулили» Иисуса Христа, считая его не равным Богу Отцу; отрицали таинства Церкви, считая, что в Евхаристии используются простые хлеб и вино; отвергали иконы; отвергали таинство покаяния; Писание называли баснословием, а Евангелие и Апостол излагали «развратно»; отвергали постановления Вселенских соборов; отрицали официальную Церковь. Для разбора дела осенью 1553 г. был собран церковный собор, на который съехались архиереи и другие церковные деятели. Специально пригласили даже находящегося в это время в Троице-Сергиевом монастыре Максима Грека, который, впрочем, уклонился от приглашения, помня, вероятно, свои неприятности на соборах 1525 и 1531 гг. Башкин и его сообщники были осуждены. Сам он попал в заключение в Волоколамский монастырь, а один из его товарищей Иван Борисов был отправлен на Валаам, откуда сбежал в Швецию⁵.

«Дело» Башкина дало начало нескольким другим «делам» о ереси. Следствие выявило, что и некоторая часть монахов заражена вольномыслием, особенно в заволжских пустынях. Оказалось, что они «злобы» Башкина «не хулили и утверждали его в том». По приказу царя и митрополита Макария подзреваемые монахи были доставлены в Москву⁶. Главной фигурой среди привезенных был Артемий, еще в недавнем прошлом царский любимец. О его жизни известно не много: вероятно, по происхождению он был псковичом, проживал в Псково-

⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 232–233.

⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 233; Курбский А. М. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1985. С. 380.

Печерском монастыре и Порфирьевой пустыне в Заволжье. Он был образованным для своего времени человеком: еще в бытность в Печерском монастыре ходил в Ливонию, желая провести богословский диспут с кем-либо из немецких богословов. Сохранилось и несколько его посланий царю Ивану. Из них становится ясно, что Артемий некоторое время был очень близким к нему лицом, приглашался к царскому столу. В мае 1551 г. старец, несмотря на его нежелание, был поставлен игуменом главного русского монастыря — Троице-Сергиева. Но пробыл он здесь всего полгода, а затем, не спросясь церковных и светских властей, самовольно ушел в свою пустынь в Заволжье.

Во время нахождения Артемия в Москве, перед его поставлением в игумены, он проживал в Чудовом монастыре. Здесь с ним неоднократно беседовал Сильвестр, которому царь поручил «смотреть в нем всякова нрава и духовные ползы». Никаких сомнений в православии Артемия у Сильвестра тогда не возникло. Но в этот момент в столице появился один из учеников Артемия Порфирий, который общался с другим благовещенским священником, уже упоминавшимся Симеоном. Речи Порфирия показались Симеону подозрительными, и он поделился сомнениями с Сильвестром. Состоялось несколько бесед Сильвестра с Порфирием, о которых было доложено царю. Видимо, на обвинения в ереси его взгляды еще не подходили, но Иван IV, по сообщению источника, после этого стал внимательно приглядываться и к самому Артемию и «вся Порфирьева учения слабостная и в учительстве его Артемия нача примечати по наречию». Постепенно царь отдаляется от Артемия, которого стал подозревать в еретичестве. Самовольный его уход с игуменства окончательно расстроил их отношения⁷.

Впрочем, Артемий был доставлен в столицу не как обвиняемый, а для диспута с Башкиным и поселен в Андронниковом монастыре без охраны. Как он сам затем объяснял, он не желал вести с еретиком диспут, тем более уже ходили слухи, что Башкин дал показания против него самого и обвинил в еретичестве. Старец решил бежать из Москвы обратно в Заволжье, однако

⁷ Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. С. 269, 274.

этот шаг лишь ухудшил положение. Стали считать, что он бежал, опасаясь разоблачения своих взглядов. Он снова был задержан и отправлен в столицу уже как подозреваемый. Вместе с ним были доставлены и его ученики Савва Шах, Порфирий. Все они оказались обвиняемыми.

На соборе первым обвинителем выступил Матвей Башкин. По его словам, Артемий отрицал поклонение иконам и некоторые церковные таинства. Старец отверг эти обвинения. Тогда были представлены шесть свидетелей, которые должны были подтвердить еретические взгляды Артемия. Часть свидетелей Артемий пытался отвести, но это ему не удалось. В первую очередь его обвинили в самовольном уходе из Москвы во время суда над Башкиным. Объяснения монаха выглядели неубедительными — он заявил, что бежал от клеветников, которые его обвинили. Собор решил, что Артемий виноват, так как должен был просить у властей возможность снять с себя все обвинения. На просьбу указать, кто же клеветал на него, старец не смог ничего ответить.

Одним из основных свидетелей обвинения был бывший игумен Ферапонтова монастыря Нектарий. По его словам, Артемий критиковал книгу Иосифа Волоцкого «Просветитель», не соблюдал постов, хвалил «латинскую» веру, не проклинал еретиков (осужденных в 1504 г.). Часть этих обвинений пришлось признать, и Собор поставил ему в вину нарушение поста и стремление вести дискуссии с католиками, так как и без всяких диспутов ясно, что православная вера правильная. Самые страшные обвинения в «хуле» на Писание были отведены, так как другие свидетели подтвердили этого. Один из свидетелей показал, что Артемий говорил о том, что нет пользы петь панихиды по умершим. Обвиняемый пояснил, что говорил это про тех, которые «жили растленным житием и грабили людей, что когда начнут петь по ним панихиды и обедни, то нет им пользы и чрез то им муки не избыть». Собор осудил эти взгляды за то, что это отнимает у грешников надежду на спасение. Были еще и другие показания против Артемия, часть из которых собор признал справедливыми.

В конце концов, по непонятным причинам, Артемий дал показания сам на себя, но не в ереси, а в «блудных грехах».

По его словам, в 1551 г., когда его ставили в игумены в Сергиев монастырь, он своему духовному отцу признался в них, но духовник посоветовал ему забыть об этом. Вызвали духовника, который заявил о том, что ничего о своих «блудных грехах» Артемий не говорил. Тогда старец изменил свои показания и заявил, что исповедовался другому священнику, но имени его не помнит. Собор осудил Артемия за клевету на духовного отца, лишил священного сана и отлучил от Церкви. Кроме того, старец был отправлен в заключение в Соловецкий монастырь для того, чтобы не мог распространять свои ложные взгляды — «осудиша неисходными быти, да не сеют злобы своея роду человеческому». Приговор по делу Артемия был вынесен в январе 1554 г. В заключении Артемий пробыл не долго, он смог бежать в Литву, где отказался от своих ошибочных взглядов и показал себя выдающимся борцом с католицизмом и реформаторством⁸.

Если Артемий был скорее лишь заблуждающимся по отдельным вопросам, то один из его учеников Феодосий Косой был самым радикальным из русских еретиков. О нем мало что известно. Он был холопом в Москве, а затем бежал на Белоозеро, где и постригся в монахи. Вскоре его учение принимает крайний характер и о нем становится известно властям. Его с ближайшими сторонниками арестовывают (около 1554–1555 гг.) и доставляют в Москву на суд. Здесь, воспользовавшись небрежностью охраны, Косой и его ученики бежали и вскоре оказались в Литве. Преследование его сторонников продолжалось еще несколько лет. В 1556–1557 гг. церковный собор осудил его учеников.

Основные положения учения Феодосия Косого определяются по сочинениям противника его взглядов монаха Зиновия. Прежде всего, Косой отрицал Троицу и учил, что Бог един. Христа он считал простым человеком, главными книгами считал Пятикнижие Моисея, отрицал большинство писаний святых отцов и постановления Вселенских соборов, отрицал необходимость существования церковной иерархии, таинства, иконы, поклонение кресту, необходимость молитв. Крайне негативно Феодосий относился и к существующему общественному порядку⁹.

⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 233; Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 382–384.

⁹ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 182–214.

Можно видеть, что русские люди, которые имели склонность к реформационным идеям, подвергались репрессиям. В то же самое время, иностранцы, которые по тем или иным причинам оказались в России, имели возможность исповедовать свою религию (в том числе и протестантизм) вполне свободно. Единственное, что им запрещалось, так это пропаганда своих религиозных взглядов среди местного населения. В некоторых случаях протестанты получали серьезное влияние при дворе Ивана Грозного, иногда сам монарх расспрашивал иностранцев об их религиозных взглядах и вступал с ними в дискуссию. Так, в 1570 г. в Москву прибыло польско-литовское посольство, основной целью которого было заключение перемирия между державами. Несмотря на некоторые «недоразумения», выразившиеся в конфликтах между посольской свитой и русскими, удалось подписать соглашение о трехлетнем перемирии. Но во время этих переговоров произошло еще одно событие, позволившее Грозному выступить как знатоку церковных вопросов и защитнику православной веры.

Дело в том, что в составе посольской свиты находился некий Ян Рокита, пастор общины чешских братьев, который должен был проводить богослужения для находящихся среди свиты послов протестантов. В это время среди польско-литовской шляхты широко распространились различные реформационные учения. Рокита был образованным человеком, обладал искусством оратора, знал славянский язык, неоднократно участвовал в спорах о вере. 10 мая 1570 г. состоялся диспут между пастором и Иваном IV. На нем присутствовали королевские послы и русские бояре. Царь позволил Роките говорить прямо и откровенно, не опасаясь опалы, внимательно выслушал его речь, задал вопросы для разъяснения некоторых моментов. Затем Грозный попросил записать основные положения учения и обещал дать письменный ответ.

Остается только удивляться работоспособности монарха, который среди следствия о новгородской измене нашел время для написания пространного ответа Роките, который был готов уже в июне 1570 г. Ответ выделяется из прочих сочинений царя, что определяется его жанром — прение о вере,

хотя и носит черты индивидуального стиля. Ответ состоит из отдельных «слов», каждое из которых опровергает положение оппонента. Иван IV широко использует тексты Ветхого и Нового Завета, историческую литературу, сочинения отцов церкви. В заключительном четырнадцатом слове Грозный подтверждает, что не собирается накладывать опалу на собеседника, но называет Рокиту еретиком и слугой Антихриста, запрещает проповедовать протестантское учение в России и молит Бога, «дабы нас, российский род, сохранил от тьмы неверия вашего»¹⁰.

Но царь даже породнился с протестантом — датским герцогом Магнусом. Дело в том, что в ходе Ливонской войны возникла идея создания вассального от России королевства в Прибалтике. Сначала корону предложили бывшему магистру Ордена, находившемуся в плену Вильгельму Фюрстенбергу. Однако переговоры с ним не привели к успеху. Тогда, по совету перешедших на русскую сторону ливонских дворян Таубе и Крузе, решили предложить корону брату датского короля Магнусу, владевшему к тому времени островом Эзель и некоторыми землями в Ливонии. Переговоры с ним привели к заключению соглашения¹¹. Ливонское королевство должно было получить широкую автономию, в том числе и сохранить свое вероисповедание. В 1573 г. Магнус женился на дворянской племяннице Ивана Грозного Марии Владимировне. Впрочем, из этого замысла мало чего получилось. Во время похода 1577 г. он, вопреки договоренностям, сильно расширил границы своего «королевства» — многие города предпочитали сдаваться ему, а не русским войскам. Царь посчитал это серьезным проступком и вызвал Магнуса в свою ставку и посадил под стражу. По рассказам современников, ливонский король имел все основания опасаться за свою жизнь. Грозный якобы заявил своему родственнику и вассалу о том, что если его не устраивает та территория, которую ему выделил царь, то он может убираться к себе на остров Эзель или в Данию. Вскоре Магнус был отпущен. Его сторонникам

¹⁰ Ответ Яну Роките // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. С. 218–277.

¹¹ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 46–47.

повезло гораздо меньше — царь занял несколько городов, которые ранее перешли Магнусу, и жестоко расправился с их жителями. В самом начале 1578 г. датчанин переметнулся на сторону короля Речи Посполитой Стефана Батория.

Значительное влияние на Грозного некоторое время оказывал врач Елисей Бомелий, попавший в Россию из Англии. Он прибыл в Москву в начале 70-х годов и стал придворным медиком. По заявлениям представителя английской Московской компании Джерома Горсея, крах его карьеры был связан с очередным делом об «измене». По его словам, «царь был сильно озабочен разбирательством измены... Бомелиуса, епископа Новгородского и некоторых других, выданных их слугами. Их мучили... пыткой, им было предъявлено обвинение в сношениях... с королями Польши и Швеции... Епископ признал все под пыткой. Бомелиус все отрицал... Епископ... был обвинен в измене и чеканке денег, которые он пересылал вместе с другими сокровищами королям... в мужеложестве, в содержании ведьм, мальчиков, животных и в других отвратительных преступлениях. Все его многочисленное добро... было взято в царскую казну. Его заключили пожизненно в тюрьму, он жил в темнице на хлебе и воде... занимался писанием картин и образов, изготовлением гребней и седел. Одиннадцать из его доверенных слуг были повешены на воротах его дворца в Москве, а его ведьмы были позорно четвергованы и сожжены»¹².

Горсей связывает осуждение Леонида с делом Бомелия. Сведения, которыми мы располагаем о докторе Бомелии, рисуют крайне неприглядную картину. Иностранцы свидетельствуют, что после нашествия татар в 1571 г. при посредстве медика Грозный отравил около ста человек. Для Псковской летописи Бомелий является поистине страшной фигурой: его прислали в Россию «немцы», был он «лютым волхвом» и смог оказаться в приближении у царя. «И положи на царя страхование... и конечно был отвел царя от веры: на русских люди царю возложил свирепство, а к немцам на любовь переложил... много множества роду боярскаго и княжеска взусти убити цареви. Последи же и самого приведе наконец еже

¹² Горсей Дж. Записки о России. М., 1990. С. 74–75.

бежати в Аглинскую землю и тамо жениться, а свои было бояре оставшие побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша да не до конца будет Руское царство разорено и вера христианская».

По сообщению Штадена, опала медика связана со следующими обстоятельствами: он решил бежать из России и с этой целью взял подорожную на имя своего слуги. Затем, переодевшись и зашив богатства в подкладку, отправился в Псков. Здесь на торгу его узнали поговору, обыскали, нашли золото и отправили в Москву¹³. В глазах Грозного заговор приближенных принимал все более опасный характер. Участие в нем придворного медика говорило о том, что его, вероятно, хотели отравить.

Самое активное участие в расследовании принял наследник престола царевич Иван Иванович. Именно он руководил пыткой Бомелия. Причем даже «некоторые доброжелатели» опального медика, которые должны были добиться смягчения участи врача, не смогли ничего сделать: «его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело изрезаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы царь узнал». Опальный доктор скончался, вероятно, в результате пыток¹⁴.

В конце Ливонской войны было разгромлено немецкое поселение под Москвой. Грозный стал считать позволение открыть под Москвой протестантские храмы и вообще некоторое покровительство западным «еретикам» ошибкой. В сильно преувеличенном виде слухи об этом покровительстве распространялись в Европе. Так, в письме из Любека маркграфу Бранденбургскому от 20 декабря 1566 г. указывалось, что царь якобы оштрафовал на 60 тысяч рублей своего митрополита за то, что тот причинил насилие одному немцу в вопросах веры. Очевидно, что подобный фантастический штраф не мог быть наложен, но главное — в благосклонном отношении царя к своим новым ливонским подданным. Терпимое отношение к протестантам диктовалось соображениями политического толка: стремлением привязать

¹³ Послание Таубе и Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. С. 54; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 262; Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 84–85.

¹⁴ Горсей Дж. Записки о России. С. 74.

«немцев» к новой родине, покровительством королю Ливонии Магнусу.

О существовании в России нескольких лютеранских храмов сообщают иностранцы, побывавшие в нашей стране. Горсей в своих воспоминаниях приписывает себе большое участие в судьбе ливонских пленных: «поскольку я тогда был хорошо известен при дворе... то... я добился разрешения для них построить церковь, много жертвовал на нее, доставил им хорошо обученного священника, который вел службу и собрание прихожан каждый воскресный день по их лютеранской вере». С ухудшением положения на театре Ливонской войны, с изменой Магнуса отношение Грозного к протестантам изменилось. Определенную роль в этом мог сыграть гнев, вызванный поражениями, но не меньшее значение имела и возникшая у царя мысль о неужгодности Богу этих храмов на территории России. Согласно другому объяснению причин разгрома Немецкой слободы, ее жители получали огромные доходы от продажи вина и спаивали местное население. Это вызвало жалобы духовенства, сам митрополит печаловался по этому поводу монарху. Наконец, зимой 1578 г. Слобода была уничтожена.

Побывавший в Москве в самом начале 80-х годов А. Поссевино предполагает, что основной причиной уничтожения храмов было опасение правительства в том, что русские заведут у себя различные секты. Проживавший в то время в России Горсей сообщает: царь «послал к ним ночью тысячу стрельцов, чтобы ограбить и разорить их». Скорее всего, причин разгрома было несколько: это и религиозные мотивы, и месть за поражения в войне и измену, и призывы духовенства, и опасение протестантской пропаганды¹⁵.

После заключения перемирия с Речью Посполитой посредник на переговорах папский представитель Антонио Поссевино добился проведения диспута о вере с участием царя. Как и следовало ожидать, стороны остались при своем мнении. Поссевино удалось в России добиться немногого: разрешения

¹⁵ Горсей Дж. Записки о России. С. 70, 80; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 26, 63.

на строительство католических церквей он так и не получил, впрочем, католикам было разрешено исповедовать свою веру. Сам Поссевино объясняет неудачу своей основной миссии происками протестантов, которые «погрязли в ереси» и наговаривают Грозному на папу. Основной гнев посланца направлен против английских купцов, которые передали царю книгу, «в которой папу именуют антихристом», и на некоего врача-анабаптиста, который участвовал в работе Освященного собора, рассматривающего разницу между католической и православной верами.

Возможно, что английские купцы действительно настраивали русских, в том числе и самого царя, против католицизма. В мемуарах Горсея имеется упоминание о каком-то его столкновении с Поссевино. Англичанин с одобрением пишет о том, что «царь резко отклонял и отвергал учение папы, рассматривая его как самое ошибочное из всех существующих в христианском мире: оно угождает властолюбию папы, выдуманно с целью сохранить его верховную иерархическую власть, никем ему не дозволенную; царь изумлен тем, что отдельные христианские государи признают его верховенство, приоритет церковной власти над светской». Подобные взгляды, по словам Горсея, Грозный приказал изложить своему духовенству папскому представителю¹⁶. Резкая антикатолическая позиция английских купцов понятна: кроме расхождений в вере они могли опасаться, в случае сближения России с Римом, конкуренции итальянских купцов-католиков.

Подводя итог, можно отметить, что положение протестантов в России в период правления Ивана Грозного по сравнению с католиками было привилегированным. Так, протестанты могли иметь свои церкви, некоторые из них имели значительное влияние при дворе. В то же время пропаганда протестантских идей среди местного населения не допускалась. Российские же подданные, взгляды которых отличались от православных, считались еретиками и подлежали серьезному наказанию.

¹⁶ Поссевино А. Исторические сочинения о России. С. 80, 202; Горсей Дж. Записки о России. С. 92, 126.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в. — М.: Индрик, 2012. — 560 с.
2. Горсей Дж. Записки о России. — М.: Изд-во Московского университета, 1990. — 288 с.
3. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 502 с.
4. Курбский А. М. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М.: Художественная литература, 1985. С. 218–399.
5. Лабутина Т. Л. Англичане в допетровской России. — СПб.: Алетейя, 2011. — 278 с.
6. Макарий (Веретенников). Московский митрополит Макарий и его время. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. — 304 с.
7. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв.: Очерки исторической биографии и генеалогии. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 384 с.
8. Ответ Яну Роките // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 218–277.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 368 с.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 13. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 544 с.
11. Послание Таубе и Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 29–60.
12. Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. — М.: Изд-во Московского университета, 1983. — 272 с.
13. Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. — М.: Университетская типография, 1890. — 782 с.
14. Шгаден Г. Записки немца-опричника. — М.: Росспэн, 2002. — 240 с.

REFERENCES

1. Alekseev A. I. (2012) *Religioznye dvizhenia na Rusi posledney treti XIV – nachala XVI v.* [Religious movements in Russia in the last third of the 14th – early 16th century], Moscow: Indrik, 560 p. (in Russian)
2. Gorsey Dzh. (1990) *Zapisci o Rossii* [Notes on Russia], Moscow: Izdatel'stvo moskovskogo universiteta, 288 p. (in Russian)
3. Kurbskiy A. M. (1986) *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [The story of the great Prince of Moscow], *Pamyatniki literatury*

Drevney Rusi. Vtoraya polovina XVI veka, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 218–399. (in Russian)

4. Labutina T. L. (2011) *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [The British in pre-Petrine Russia], Saint-Petersburg: Aleteya, 278 p. (in Russian)

5. Languages of Russian culture (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full collection of Russian Chronicles], Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, vol. 5 (2), 368 p. (in Russian)

6. Languages of Russian culture (2000) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Full collection of Russian Chronicles], Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, vol. 13, 544 p. (in Russian)

7. Makariy (Veretennikov) (1996) *Moscovskiy mitropolit Makariy i ego vremya* [The Moscow metropolitan Macarius and his time], Moscow: Izdatel'stvo Valaamskogo monasturya, 304 p. (in Russian)

8. Nauka (2001) *Otvet Yanu Rokite* [Response to Jan Rokita], *Biblioteka literatury Drevney Rusi*, Saint-Petersburg: Nauka, vol. 11, pp. 218–277. (in Russian)

9. Oparina T. A. (2007) *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv.: Oчерki istoricheskoy biografii i geniologii* [Foreigners in Russia in the 16–17th centuries: Essays on historical biography and genealogy], Moscow: Progress-Traditsiya, 384 p. (in Russian)

10. *Russkiy istoricheskiy zhurnal* (1922) *Poslanie Taube i Kruze* [Message by Taube and Kruse], *Russkiy istoricheskiy zhurnal*, Petrograd, vol. 8, pp. 29–60. (in Russian)

11. Possevino A. (1983) *Istoricheskoe sochineniye o Rossii XVI v.* [Historical writings on Russia of the 16th century], Moscow: Izdatel'stvo moskovskogo universiteta, 272 p. (in Russian)

12. Tsvetaev D. V. (1890) *Protestantstvo i protestanty v Rossii do epokhi preobrazovaniy* [Protestantism and Protestants in Russia until the era of transformation], Moscow: Izdatel'stvo moskovskogo universiteta, 782 p. (in Russian)

13. Shtaden G. (2002) *Zapiski nemtsa-oprichnika* [Notes by German Oprichnik], Moscow: Rosspen, 240 p. (in Russian)

14. Zimin A. A. (1958) *I. S. Peresvetov i ego sovremenniki* [I. S. Peresvetov and his contemporaries], Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 502 p. (in Russian)